

Поэтическое измерение: терапевтический потенциал

Кеннет Дж. Джерджен

Gergen, K. J. (2000). Die poetische Dimension: Therapeutische Möglichkeiten. In K. G. Deissler & S. McNamee (Eds.), *Phil und Sophie auf der Couch: Die soziale Poesie therapeutischer Gespr_che* (pp. 97-108). Heidelberg: Carl-Auer-Systeme Verlag.

Перевод Андрея Корбута

В разворачивающихся сегодня вокруг социального конструирования дискуссиях язык предстает формой человеческой координации. Можно было бы даже сказать, что устный и письменный язык представляет собой наиболее детальный, сложный и многообещающий способ координации, доступный для развития отношений, культуры и жизнеспособного общества. Язык так же является одним из главных орудий обретения смысла и артикуляции и описания мира. Посредством языка мы конструируемся как неповторимые человеческие существа, обладающие специфическими качествами разума и сердца, и оцениваемся как хорошие или плохие. Или, говоря шире, все, что считается нами реальным, ценным, достойным будущего, укоренено в наших совместно созданных языковых формах (Gergen, 1994). Покинуть «дом бытия», говоря словами Хайдеггера, — значит выйти из отношений, культуры и смысла. Мышление снаружи этого дома невозможно, поскольку вне отношений, культуры и смысла нет ничего.

Как видно из этих предварительных замечаний, язык можно конструировать разными способами: как дом, как координацию, как смысл. Давая ту или иную характеристику, мы тем самым открываем новые горизонты понимания, и значит, новые возможности действия. Этот факт имеет особое значение для терапевтической практики, потому что терапия является прежде всего экскурсией в смысл, процессом человеческой координации, в котором конструируются и реконструируются прошлое, настоящее и будущее. Именно благодаря надежде и обещанию, приносимым этим процессом, из кругового сцепления значений специфическим образом возникают возможности новой жизни. Однако этот «специфический образ» никогда полностью не прояснен; мы никогда не знаем наверняка, где и как была открыта дверь — если она вообще была открыта — к иному (и с некоторой точки зрения «лучшему») способу существования. Поэтому, то, во что мы превращаем терапевтический процесс, зависит от наших совместных усилий по созданию значения. Тем самым нам, вероятно, лучше всего было бы принять возможность множества способов описания терапевтического процесса, оптика которых ведет к новой чувствительности и новым способам действия.

Данный текст посвящен тому, что можно назвать поэтическим измерением языка. Говоря о языке как поэзии, мы, как правило, хотим привлечь внимание к его тонким и высоко ценным качествам. Я коснусь трех из них. Во-первых, когда мы говорим о поэтичности языка, мы часто указываем на его способность разрушать порядок — на то, что он нас волнует, захватывает или потрясает. Иногда слова и фразы выстраиваются в той редкой последовательности, когда они, кажется, срывают покров обыденности и открывают перед нами другие измерения понимания. Во-вторых, мы говорим о поэтичности языка, когда он заставляет нас поверить в вымысел — дает простор воображению или претворяет фантазию в жизнь. Поэтический язык имеет право покидать повседневность и уносить нас в пространство желаний и чудес. Наконец, мы говорим о поэтическом измерении, когда язык вызывает эстетические чувства — поглощает нас своими симметриями, гармониями и восхитительными ритмами. Благодаря поэтическому мы определенным образом преодолеваем

отвратительные и зачастую жестокие стороны повседневной коммуникации и обретаем ощущение возвышенного.

Выделив три качества поэтического измерения — каталитическое, имагинативное и эстетическое, — мы можем указать на центральный вопрос работы. Если терапия — это экскурсия в смысл, то как мы можем оживить ее поэтические измерения? Не уповаем ли мы часто на то, что терапевтический опыт приведет клиента к отказу от шаблонов мышления и действия, с которыми он приходит к нам, разбудит воображение, и это, возможно, откроет новые источники мотивации, а также позволит клиенту начать жить в большей гармонии с другими? Как тогда метафора поэзии может вывести на передний план те аспекты терапевтического процесса, которые иначе остались бы незамеченными? Что для нас, как терапевтов или участников нормального мира повседневных отношений, означает использовать поэтическое измерение в нашей коммуникации друг с другом?

Чтобы ответить на эти вопросы, мы сначала рассмотрим некоторые привычные предположения о поэзии. Я покажу, что мы, как терапевты, только выиграем, если освободимся от некоторых традиционных представлений о поэтическом и обратимся к недавно появившимся концепциям. Подобным образом переосмыслив поэзию, мы сможем перейти к обсуждению того, как можно реализовать поэтическое измерение в терапевтической практике.

Поэзия в постмодернистском ключе

Мы можем по-разному определять поэзию, и выбор того или иного определения ляжет в основу того, какие ресурсы мы будем использовать в терапевтической практике. На мой взгляд, унаследованная нами от предыдущих поколений концепция поэзии этой практике препятствует. Традиционные допущения возникли в культурном контексте романтизма XIX в. и модернизма XX в. В данном случае требуется реконструкция этих допущений в терминах постмодернистских или социально-конструкционистских идей. Традиционные предположения, которые я буду рассматривать дальше, можно разделить на индивидуалистические, механистические и риторические.

Индивидуалистическая гипотеза состоит в том, что поэзия представляет собой излияние разума (эмоций, интеллекта, чувств, духа, души и т. д.) поэта. При этом мы полагаем, что поэт — это человек, особая чувствительность, обостренная восприимчивость или безграничное воображение которого позволяют ему/ей создавать поэтические произведения. Короче говоря, поэт — подлинный источник стиха. Рассмотрим проблемы, которые порождает такое видение поэзии в терапевтических отношениях. Терапевт, в частности, в этом поэтическом измерении осмысливается как особая личность, отличающаяся, т. е. ценная, своей способностью искусно творить странные, фантастические или прекрасные слова. Именно глубина, страстность и чувствительность терапевта даруют свободу действий поэтическому. Клиент, напротив, должен исполнять роль льстивой и пассивной аудитории. Он или она может аплодировать, восхищаться, оценивать по достоинству или трепетать, однако в результате концептуализации терапевта как поэта, по существу, утверждается иерархия, в которой клиент занимает низшее положение.

Эта проблема еще более усугубляется, когда мы обращаемся к индивидуалистическому предложению рассматривать поэта/терапевта как независимого актора, родник вдохновения, выделяющийся из, стоящий выше и свободный от окружающей толпы. Поэт, этот одинокий провидец, говорит своим собственным творческим голосом. Клиент, соответственно, должен идентифицироваться с ним и подражать ему, чтобы «заработать право» приобщиться к поэтическому. Поэтому терапия начинает поддерживать мир изолированных, самодостаточных, возвеличивающих себя индивидов.

Постмодернистский/конструкционистский подход предлагает альтернативу такому представлению о поэте. Как убедительно показала современная теория литературы — от Барта до Деррида — автор ни в коем случае не является независимым, оригинальным источником. Поэзия становится поэзией в силу своего положения в традиции поэтического письма. Она осмысленна как поэзия в той мере, в какой она близка этой традиции и изнутри указывает на нее. Поэт никогда не выходит из отношений, он существует только благодаря своему участию в них.

Такая зависимость осмысленности от отношений является одновременно основным моментом социально-конструкционистской теории. Для конструкциониста язык обретает значение только в рамках относительной деятельности. Сам по себе он лишен способности означать; слова, известные исключительно кому-нибудь одному, ничего не значили бы для всех остальных, т. е. были бы бессмысленны. В этом контексте действия терапевта следует рассматривать как неразрывно связанные с традицией, традицией, которая дает большую часть основных ресурсов для участия в процессе создания значения в терапии. Язык терапевта не превосходит другие языки по причине того, что он укоренен в терапевтической традиции; этот язык приобретает способность означать только благодаря добровольному участию клиента. В то же время мы начинаем ценить не изолированность клиента от других (выдаваемую за «самостоятельность»), но его активное включение в процессы создания значения.

Рассмотрим теперь следующее — механистическое — допущение, определяющее наше сегодняшнее понимание поэзии. В данном случае предполагается, что произведение поэта оказывает влияние на аудиторию. Хороший стих овладевает аудиторией, заставляя людей по-другому видеть или чувствовать окружающее или раскрывая перед ними такие глубины, о которых они прежде и не догадывались. Стихотворение помещается в механистическую систему причины и следствия. По сути, подобное представление воспроизводит механистическую модель медицины, которая породила институт психотерапии. Терапевт — это врач, воздействующий на пациента с целью вылечить его. Соответственно, поэт/терапевт своими действиями вызывает изменения в клиенте. Между тем в последние десятилетия мы стали намного более чувствительными к проблематичным последствиям механистической ориентации. Дело не только в том, что в ней знание клиента чаще всего оказывается дискредитированным («недостаточно экспертным»), но и в том, что терапевту присваивается роль манипулятивного стратега, объективирующего и экспериментирующего с «объектом исследования» (клиентом). Хуже того, частные взгляды терапевта на «правильное» практически недоступны для рассмотрения, прячась за нейтральным, экспертным языком «исцеления». В руках экспертов, например, неудержимая любознательность ребенка может быть «поэтически» трансформирована в синдром дефицита внимания, и это не вызовет ни у кого вопросов.

Постмодернистская литературная теория ставит под сомнение механистические воззрения на поэзию и литературу, открывая новые перспективы понимания и действия. В частности, теоретики литературы обращают внимание на роль «активной аудитории» или «интерпретативного сообщества» в определении смысла произведения. Они доказывают, что не стихотворение или литературное произведение воздействует на аудиторию, а аудитория играет активную роль в определении того, как следует интерпретировать данное произведение. Так называемая «теория читательского ответа» показывает, что конкретному литературному или поэтическому произведению можно приписать бесконечное множество значений в зависимости от интересов, ценностей, идеологии и т. п. читателя. Нет «стихотворения самого по себе». Эта же линия аргументации лежит в основе многих конструкционистских идей. Для конструкциониста значение не является собственностью единичных сознаний, эффективно (или нет) передающих его при помощи слов. Наоборот, значение всегда производится в отношениях, в процессе взаимной координации между людьми.

Наконец, мы унаследовали еще и риторическую концепцию поэзии. Начиная с Лонгина и до настоящего времени мы придерживались предположения о том, что способность стихотворения вызывать различного рода эффекты зависит от порядка слов в нем. Определенные слова или фразы — и никакие другие — могут рождать ощущение красоты, страсти, пафоса, юмора и т. д. В итоге поэт становится оратором, чья власть над аудиторией зависит от его/ее умения владеть языком. Но когда риторическая метафора распространяется на область терапии, мы обнаруживаем, что ее следует отвергнуть. В этой метафоре терапевт вновь наделяется властью — посредством языка — менять клиента. Клиент — лишь объект, подлежащий трансформации терапевтом при помощи его риторических навыков. Большинство исследований случаев в терапии строятся на подобном анализе, особый акцент в котором делается на том, как терапевт искусно подбирает слова, чтобы добиться желаемых эффектов. В то же время мы редко видим, как (искусно?) слова клиентов дают терапевту возможность вносить свой вклад. Клиент, предполагается, не может быть эффективным оратором.

С постмодернистской/конструкционистской точки зрения слова сами по себе не имеют никакой силы. Это во многом должно было стать понятным из предшествующего анализа эффектов влияния на аудиторию. Для конструкциониста «власть слов» зависит от их функции в текущих отношениях. Рассмотрим случай «поддерживающего контакта глаз». Во многих ситуациях такое действие оказывается разрушительным. «Он постоянно пялится на меня», «У меня такое чувство, что я на перекрестном допросе», «Мне интересно, что, черт возьми, он себе думает» — возможна любая из этих реакций. Однако во время беседы при свечах, полного намеков любовного общения, «поддерживающий контакт глаз» становится «многозначительным взглядом», который действует сильнее любых слов. Поэзия, подобно контакту глаза, риторически эффективна не благодаря конкретному порядку слов и фраз, а благодаря своей включенности в относительное пространство.

Терапия в поэтическом измерении

При анализе поэтического измерения мы делали особый акцент на каталитическом разрушении порядка, воображении и эстетике. Как я показал, однако, если мы принимаем в качестве рабочего традиционное представление о поэзии — в его индивидуалистическом, механистическом и риторическом вариантах, — разработка поэтического измерения ведет к плачевным последствиям. Мы успешно воспроизводим традиции нарциссизма, власти, манипуляции и разобщения в терапевтических отношениях. Но если мы переопределяем концепцию поэзии на основе постмодернистских/конструкционистских идей, появляется возможность развивать поэтическое измерение иными способами и с иными последствиями. В этом случае мы располагаем поэтическое измерение внутри отношений, а не индивидов, и фокусируемся на значении и движении в скоординированной деятельности. Мы открываем возможности взаимного согласованного значения и значимости слов и действий в специфических относительных контекстах. Поэзия в таком случае не может создаваться вами или мной, она вырастает из того, что мы делаем вместе. Мы реализуем поэтическое измерение в актах коммуникации.

Однако данное описание пока слишком абстрактно. Как мы могли бы достичь поэтического измерения в терапии и, конечно, в любых наших отношениях? Рассмотрим сначала разупорядочивающие, экстраординарные и/или каталитические аспекты поэзии с конструкционистской точки зрения. Если наше ощущение реального и правильного — и тем самым ощущение радости, гнева, депрессии и т. п. — вырабатывается в отношениях, то мы можем рассматривать любую «проблему», с которой сталкиваемся как терапевты, в качестве некоторого застывшего осадка определенной конфигурации отношений. «Моя кошмарная жизнь» является результатом некоторой формы локального консенсуса. Поэтическая задача тогда

состоит в том, чтобы вступить в отношения, которые разрушат существующее статическое равновесие и породят альтернативные реальности, т. е. пути понимания себя и других, заслоняемые от нас «неоспоримой очевидностью кошмарности». Решая эту задачу, терапевты, чувствительные к конструкционизму, разработали огромное количество практик. Например, существуют многочисленные подходы к соконструированию новых нарративов («перерассказу»), начиная со знаменитой работы по экстернализации Уайта и Эпстона (White & Epston, 1990) и заканчивая постмодернистской терапией Харлин Андерсон (Anderson, 1997). Но особенно полезным при поэтическом разрушении порядка я нахожу привнесение множества голосов. Когда новые голоса мирно вступают в разговор, его направление меняется. Дело не только в том, что новый голос преобразует состав значения, но и в том, что коммуникация всегда адресна. Поэтому содержание и форма индивидуальных реальностей изменяются с появлением нового реципиента. Новые голоса можно обнаружить в самом себе — это остатки отношений, исключенных из теперешней реальности. Так, например, исследование многочисленных «внутренних других», проведенное Карлом Томмом (Tomms, 1999), а также исследование различных способов написания писем Пенна и Франкфурта (Penn & Frankfurt, 1994) открывают новые пространства для диалога. Другие голоса могут так же включаться при помощи рефлектирующей команды (Andersen, 1991) или коллективных форм обсуждения. Например, Сейкула (Seikula, 1994) и его финские коллеги вводят поэтическое измерение, собирая психиатров, социальных работников, членов семьи, друзей и других представителей сообщества, чтобы совместно с пациентом определить наиболее перспективный план действий.

Давайте перейдем ко второму аспекту поэтического измерения, а именно стимулированию воображения. Как следует развивать воображаемое согласно конструкционистской концепции поэтического? В некоторой степени мы сталкиваемся с вызовом воображаемого при попытке трансформации осадочных реальностей, с которыми клиенты начинают терапию. Любой разговор, толкающий к новым пространствам значения, неизбежно будет стимулировать воображение. Однако проблема воображаемого имеет и другую сторону. Речь идет не просто об оживлении застывшего, а о выработке дискурса желания, т. е. дискурса, который создает образы будущего, возбуждающие, увлекающие и вселяющие надежду. Какого рода терапевтические отношения могут строиться вокруг столь привлекательных альтернатив? Опять же терапевты, движимые конструкционистскими интересами, продемонстрировали необычайный инновационный потенциал при поиске путей к воображаемому. Прекрасный пример — сфокусированная на решении проблем терапия (O'Hanlon & Wiener-Davis, 1989), переходящая от ориентированного на проблемы дискурса к обсуждению решений. Функцией «волшебного вопроса» (deShazer, 1994), при всей его неоднозначности, тоже является движение к воображаемому. Ресурсные терапевты вырабатывают позитивные концепции будущего, используя для этого повседневный язык. Мои коллеги по Таосскому институту Дэвид Куперрайдер и Диана Уитни активно используют практику, называемую оценочным исследованием. Суть ее состоит в том, что проблемы отодвигаются в сторону, а участники рассказывают о прошлых позитивных случаях (нарративах). Накопив такой ресурс, они начинают обсуждать, как им вместе строить будущее. Во всех упомянутых случаях мы имеем дело с поэтическими шагами навстречу воображаемому.

Наконец, как терапевтические отношения могут развивать эстетическое измерение поэтического? Как отношения могут способствовать ощущению красоты? На эти вопросы нельзя дать однозначный ответ, поскольку не существует единого стандарта или критерия эстетического. С конструкционистской позиции любая концепция эстетического должна быть продуктом отношений. Сама идея красоты является культурной конструкцией, и ее определения эволюционируют с течением времени и изменением обстоятельств, в том числе повседневных отношений. Мы

выдвигаем критерии прекрасного, которые могут склоняться к гармонии или какофонии, простоте или сложности и т. д., но они неизбежно зависят от нашей позиции в отношениях. В то же время мы можем спросить, не существует ли особых отношений, в которых в первую очередь формируется представление об эстетическом, и если они есть, то нельзя ли сказать, что эти процессы конституируют форму генеративной красоты? Без этой первичной эстетики другие не смогли бы добиться успеха. Чтобы было понятнее, рассмотрим отношения, в которых доминирует взаимное отрицание: вы не можете сказать ничего, с чем бы я согласился, и все, что я заявляю, вы считаете полной чепухой. В таких отношениях нет практически ничего, что бы могло подвинуть нас на совместное создание реального и правильного; в наших отношениях негде возникнуть эстетическому. Поэтому нужны такие формы отношений, которые не подавляют и отрицают, а порождают смысл.

Можно было бы многое сказать о генеративных условиях появления значения в отношениях (см., например, Riikonen & Smith, 1997). Но для меня одним из главных кандидатов на первичную эстетику является так называемая метонимическая рефлексия (см. Gergen, McNamee, & Barrett, 2001). Один из наиболее важных элементов процесса создания значения — соконституирование, когда движения одного человека в разговоре подтверждают, поддерживают или отражают движения другого. Действия или высказывания одного помогают конституироваться действиям другого в их собственных границах и при этом реконституировать себя. Это не означает повторения или полного согласия с тем, что другой сделал или сказал. Скорее, мои действия будут частичным, временным и двусмысленным отзвуком другого, его отражением во мне. Другой становится ближе ко мне. Возможно, наиболее общая форма соконститутивной координации имеет вид метонимической рефлексии. Метонимия означает использование фрагмента вместо целого, частью которого он является. Например, «золотые арки» символизируют рестораны «Макдональдс», а британский флаг — Великобританию. В нашем случае метонимическая рефлексия имеет место, когда действие одного человека включает фрагмент действия другого, его часть, представляющую целое. Если я высказываю вам свои сомнения в любви моих родителей ко мне, а вы отвечаете: «Какую погоду обещают на завтра?», это означает, что вы не включили факт моего существования в свой ответ. Если ваша реакция демонстрирует, что вы осознали то, что я сказал, проявив, к примеру, внимание к моим сомнениям, тогда я нахожу себя в вас; я локализуя «себя» как того, кто только что говорил. В то же время, поскольку это вы позволили мне отыскать «себя», мое выражение не совсем мое. Вы делаете нас ближе и при этом приглашаете меня метонимически ответить вам. В ходе метонимической рефлексии мы выстраиваем общность, и именно в такой рефлексии реализуется поэтическое измерение.

Литература

- Andersen, T. (Ed.). (1991). *The reflecting team*. New York: Norton.
- Anderson, H. (1997). *Conversation, language, and possibilities: A postmodern approach to therapy*. New York: Basic Books.
- deShazer, S. (1994). *Words were originally magic*. New York: Norton.
- Gergen, K. J. (1994). *Realities and relationships: Soundings in social construction*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Gergen, K. J., McNamee, S., & Barrett, F. (2001). Toward transformative dialogue. *International Journal of Public Administration*, 24, 679-707.
- O'Hanlon, W. H., & Weiner-Davis, M. (1989). *In search of solutions: A new direction in psychotherapy*. New York: Norton.
- Penn, P., & Frankfurt, M. (1994). Creating a participant text: Writing, multiple voices, narrative multiplicity. *Family Process*, 33, 217-231.
- Riikonen, E., & Smith, G. M. (1997). *Re-imagining therapy*. London: Sage.
- Seikula, J. (1994). When the boundary opens: Family and hospital in co-evolution. *Journal of Family Therapy*, 16, 401-414.

Tomm, K. (1999). Co-constructing responsibility. In S. McNamee & K. J. Gergen (Eds.), *Relational responsibility*. Thousand Oaks: Sage.

White, M., & Epston, D. (1990). *Narrative means to therapeutic ends*. New York: Norton.